

Мерцание угасающего пламени дрожало в глазах Сун Цзячжу, и вместе с этими снимками, пожираемыми огнем, обращался в пепел и тот мрак, что годами таился в самых потаенных уголках его души.

Хотя он уже давно понял, что Лин Чжи больше не питает чувств к Сюй Леяну — имя этого человека уже целую вечность не срывалось с его губ, — глубоко внутри Сун Цзячжу всё еще жило смутное беспокойство. Теперь оно исчезло окончательно.

Он не просто заменил этого человека... Он изгнал его.

Лин Чжи ничего не говорил, но именно это молчание красноречиво подтверждало: сожженные вещи больше ничего для него не значили. На его лице не было ни тени сожаления.

Теперь Сун Цзячжу стало ясно и то, почему сегодня Лин Чжи не надел женскую одежду. Даже если переодевания больше не символизировали былую привязанность, даже если они были лишь проявлением иного «я» в душе юноши, Лин Чжи предпочел встретить этот Новый год в своем первоначальном облике. Он пригласил его, чтобы вместе предать огню прошлое.

Сун Цзячжу не скрывал своего восторга. Внезапно он оторвал Лин Чжи от земли и, подхватив на руки, закружил в объятиях.

Юноша не проронил ни слова, но его сердце само говорило через сияющий взгляд.

Лин Чжи был уверен: его план сработал безупречно. Каждый шаг приносил именно те плоды, на которые он рассчитывал. Глядя на Сун Цзячжу, он искал в нем лишь подтверждение собственной правоты.

Сам же Сун Цзячжу, охваченный безграничным счастьем, не заметил иного подтекста в глазах партнера. Он не почувствовал, что в этот миг триумфа Лин Чжи думал лишь о скором расставании.

Запечатлев быстрый поцелуй на губах юноши, он поставил его на ноги и принялся стремительно мелькать пальцами.

— Можно я завтра отвезу тебя в одно место?

— В мой старый дом.

— Туда, где я жил с папой и мамой.

Сун Цзячжу давно это планировал. Даже если бы Лин Чжи не сжег фотографии сегодня, он всё равно собирался пригласить его туда во время каникул, надеясь, что тот сможет хоть немного понять его мир.

Он был готов обнажить перед Лин Чжи всё: то тяжелое, похожее на нескончаемый кошмар прошлое, те события, что лишили его голоса. Это была потребность поделиться самым сокровенным, рожденная из любви — и, возможно, из крохотной, почти эгоистичной надежды на то, что жалость партнера заставит его любить еще сильнее.

Лин Чжи с улыбкой кивнул, не задавая лишних вопросов.

По легенде своего нынешнего воплощения он не должен был знать о прошлом Сун Цзячжу. Когда-то он уже спрашивал, почему тот живет один, и получил лаконичный ответ: «Так удобнее». Лин Чжи чувствовал, что тема родителей — запретная зона, и больше к ней не возвращался.

Глубоко внутри он уже догадывался, почему задание до сих пор не завершено. Вероятно, точкой в этой миссии станет момент, когда Сун Цзячжу сможет говорить так же свободно, как любой обычный человек.

Лин Чжи не торопился уходить. Прежние сомнения были вызваны лишь опасением, что он неверно оценил ситуацию. Провести здесь еще немного времени для него не составляло труда — в конце концов, это было лишь продлением срока его собственной жизни.

Поскольку было уже слишком поздно, Лин Чжи оставил Сун Цзячжу у себя, уложив его в комнате старшего брата. Одежду он тоже нашел среди старых вещей брата — они были примерно одного роста, в то время как вещи самого Лин Чжи были парню тесноваты.

Лин Чжи принес одеяло. Пока Сун Цзячжу стелил постель, его разгоряченный мозг начал немного остывать. Мысль о том, что он находится в этом доме, заставляла его смущенно замирать.

«Лин Чжи за стенкой...»

Осознание близости любимого человека заставляло Сун Цзячжу раз за разом ворочаться с боку на бок.

В памяти то и дело всплывала сцена обратного отсчета на площади. Он мучительно пытался вспомнить: издал ли он тогда хоть какой-то звук?

Юноша сел в постели, разминая шею, и снова попробовал заговорить. К несчастью, сколько бы он ни бился, то ощущение прорывающегося сквозь преграду воздуха так и не вернулось.

Это немного удручало, но он быстро взял себя в руки. Вспомнив события прошедшего дня, он невольно улыбнулся.

Возможно, из-за предстоящей поездки Сун Цзячжу впервые за долгое время приснились родители.

Сон начался как обычно — мирная, безмятежная сцена перед надвигающейся бурей. Вещей, купленных отцом, стало так много, что они не помещались в его комнате, и ему снова пришлось спать в одной спальне с родителями. Стояло жаркое лето, в комнате гудел кондиционер.

Мама ворчала, что его нельзя включать надолго — можно простудиться, — а потом принялась обсуждать счета за электричество и цены на овощи. Отец лениво поддакивал, предлагая в субботу всем вместе выбраться в парк.

Это был самый обыкновенный, ничем не примечательный вечер. Пока его не оборвал резкий голос отца:

— Кто там?!

Дальнейшее в памяти юноши всегда расплывалось — он помнил лишь, как мама затолкнула его под кровать и велела не издавать ни звука, заслонив чемоданом, который всегда там стоял. А дальше были только крики и шум.

Что-то липкое начало медленно растекаться по полу, затекая под кровать. Он лежал там, сжавшись в комок, помня лишь одно — нельзя звучать.

Однако в этот раз сон изменился. Прежде чем раздался роковой шум, Сун Цзячжу увидел в воздухе всполохи огня. Пламя возникло из ниоткуда, пожирая фотографии, превращая их в черные хлопья.

Видение рассыпалось на осколки, и он внезапно оказался в центре ликующей толпы, а над головой с грохотом расцветали гигантские огненные цветы.

— Лин Чжи...

В этот миг Сун Цзячжу отчетливо услышал собственный голос. Слова сорвались с губ легко и естественно, договаривая ту фразу, что так и осталась произнесенной в реальности:

— Я люблю тебя.

1 января

Дом Сун Цзячжу находился не так уж далеко от квартиры Лин Чжи — всего две остановки на автобусе. Юноши, укутанные в одинаковые шарфы, купленные Лин Чжи, вместе вошли в салон.

Старый лифт со скрипом поднялся на четвертый этаж.

На дверной ручке дома, где давно никто не жил, скопился плотный слой пыли. Сун Цзячжу достал салфетку, чтобы протереть ее, но Лин Чжи опередил его, протянув влажную антисептическую салфетку. Встретив его обеспокоенный взгляд, парень едва заметно улыбнулся, показывая, что с ним всё в порядке.

Хотя он ничего не рассказывал прямо, он понимал: Лин Чжи уже обо всем догадался. Это было слишком очевидно.

Тщательно протерев ручку, Сун Цзячжу достал ключ и отпер дверь.

Облако пыли вырвалось наружу, кружась в лучах тусклого зимнего солнца. Подождав, пока воздух немного очистится, Сун Цзячжу крепко взял Лин Чжи за руку и переступил порог.

Внутри было пусто и гулко — почти вся мебель исчезла. На полу и в углах остались лишь многолетние следы; даже сквозь толщу пыли можно было разобрать, где когда-то стояли шкафы и комоды.

Настенные часы замерли вечность назад. На маленьком столике у стены гостиной стояли два поминальных фото — молодые мужчина и женщина.

Сун Цзячжу бережно стер пыль с рамок, мысленно знакомя родителей с юношей, стоящим за его спиной. Лин Чжи почтительно поклонился портретам, безмолвно приветствуя их.

Сун Цзячжу начал рассказывать о прошлом на языке жестов. Лин Чжи слушал затаив дыхание, лишь изредка кивая. Он не решался прервать тишину — казалось, любой звук может потревожить покой этого места.

Они зашли в комнату, где раньше жил Сун Цзячжу. Судя по жестам парня, те завалы, что когда-то теснились здесь, давно вывезли. На детском письменном столе сиротливо лежали несколько тетрадей с упражнениями, а на пластиковом глобусе почти стерлись очертания материков.

Внезапно в углу Лин Чжи что-то заметил.

Он наклонился, чтобы достать предмет из узкой щели за столом. Сун Цзячжу тут же отодвинул

стол подальше, боясь, что пыль запачкает одежду гостя. Но было поздно: серый налет времени уже осел на рукавах и белом шарфе Лин Чжи. Парень принялся торопливо отряхивать его.

Лин Чжи раскрыл ладонь. На ней лежал брелок для ключей. Грязная, покрытая хлопьями пыли кошка выглядела так жалко, что трудно было разобрать её первоначальный цвет.

Зрачки Лин Чжи невольно сузились. Эта вещь была ему слишком хорошо знакома.

В прошлом мире, в старом особняке, где жил Мин Яо, он нашел в углу точно такой же брелок. Он даже знал, как тот выглядит после стирки: серовато-белый с легкой желтизной, ведь от времени, проведенного в забвении, его уже невозможно было очистить до первоначальной белизны.

Сун Цзячжу тоже удивился. Его пальцы быстро задвигались:

— Кажется, это висело на моих ключах давным-давно.

— Можно я заберу его?

Лин Чжи произнес первую фразу с тех пор, как они вошли в этот дом. Сун Цзячжу на мгновение замер, а затем медленно кивнул.

Пыльная, невзрачная фигурка кошки исчезла в чистой и теплой ладони юноши. Он не побрезговал грязью, он действительно захотел оставить это себе. Обернув брелок салфеткой, Лин Чжи убрал его в карман.

Дверь в комнату снова закрылась. Только тогда Лин Чжи продолжил расспросы.

— А что было потом? Ты попал в тот приют?

Сун Цзячжу покачал головой. Спускаясь по лестнице, он рассказывал о том, что случилось после того, как он потерял голос. После трагедии его забрал к себе дядя. С началом средней школы он переехал в общежитие и больше не возвращался.

— В семье дяди тебе были не рады? — Лин Чжи озвучил свою догадку.

В скудных отчетах системы упоминалось, что Сун Цзячжу постоянно обижали. В той семье было слишком много детей, сложные отношения между сводными родственниками... Парень был там лишним ртом, немой обузой, на которого сваливали всю работу, обделяя даже самым необходимым.

Сун Цзячжу снова покачал головой и показал:

— Дядя умер от болезни.

Лицо Лин Чжи омрачилось. Информация от системы всегда была лишь общим наброском. Смерть дяди означала, что в этом мире не осталось ни единого человека, связанного с Сун Цзячжу узами крови или памяти.

Юноша почувствовал, как в глазах Лин Чжи вспыхнула острая жалость. Это тонкое, прозрачное, словно туман, чувство окутало его теплым потоком, согревая сердце даже в этот морозный день. Он привык говорить о своих страданиях буднично и вкратце, но ему несказанно повезло встретить того, кто слышал даже невысказанное.

Лин Чжи крепко сжал руку Сун Цзячжу, делаясь своим теплом.

В такой обстановке любая фраза вроде «Я всегда буду рядом» вызвала бы у юноши бурю благодарности и любви. Но Лин Чжи молчал. Даже искусный ткач иллюзий, привыкший плести сети из лжи, порой не желал давать пустых обещаний.

Они медленно шли сквозь зимний день, словно на прогулке. Другая рука Лин Чжи лежала в кармане, сжимая через бумагу грязный брелок с кошкой.

Голос 01 прозвучал в его голове необычайно бодро:

[Хост, в моей базе появилось новое описание! Этот брелок — материальное воплощение души объекта задания. Когда ты проникаешь в его сердце, ты находишь этот символ.]

[Он может менять форму и всегда связан с прошлым объекта. Теперь, как только ты увидишь подобный предмет, знай — задание близится к завершению! Это еще один признак, проявляющийся после психологического исцеления, ведь не у всех объектов травмы лежат на поверхности.]

Закончив отчет, 01 с недоумением заглянул в свои системные логи. Появление этих данных не было похоже на обычную разблокировку информации по мере продвижения. Это выглядело так, будто данные... восстановились из небытия.

Странно. 01 еще раз проверил свои программы, но не нашел никаких сбоев.

<http://bllate.org/book/15821/1439125>